

Аргументы в пользу свободной торговли и ограниченной иммиграции

Ханс-Херман Хоппе

Принято считать, что «свободная торговля» относится к «свободной иммиграции» в той же степени, что и «протекционизм» — к «ограниченной иммиграции». Иными словами, утверждается, что если кто-то и может сочетать протекционизм со свободной иммиграцией, а свободную торговлю с ограниченной иммиграцией — эти позиции интеллектуально непоследовательны и, следовательно, ошибочны. Из этого якобы следует, что раз люди стремятся избегать ошибок, позиции такого рода должны быть скорее исключением, нежели правилом. Факты, в той мере, в которой они имеют отношение к данному вопросу, по-видимому, согласуются с этим утверждением. Например, как показали президентские праймериз республиканцев 1996 года, большинство приверженцев свободной торговли являются сторонниками относительно (если не полностью) свободной и недискриминационной иммиграционной политики, в то время как большинство протекционистов являются сторонниками крайне ограниченной и селективной иммиграционной политики.

Несмотря на кажущуюся правильность этого тезиса, я буду утверждать, что он и его скрытые притязания в корне ошибочны.

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society.

Автор перевода: Андрей Шевцов

В частности, я продемонстрирую, что свободная торговля и ограниченная иммиграция являются не только совершенно последовательными, но даже взаимоукрепляющими концепциями. То есть ошибаются не сторонники принципа свободная торговля - ограниченная иммиграция, а скорее поборники принципа свободная торговля - свободная иммиграция. Таким образом, снимая «интеллектуальную вину» с позиции свободной торговли и ограниченной иммиграции и помещая ее туда, где она действительно должна быть, я надеюсь повлиять на изменение нынешнего общественного мнения по этому вопросу и способствовать значительной политической перестройке.

Аргументы в пользу свободной торговли

Со времен Рикардо аргументы в пользу свободной торговли были логически неопровержимы. Для полноты аргументации было бы полезно кратко подытожить их. Для этой цели мы используем *reductio ad absurdum* (доведение до абсурда) в отношении тезиса о протекционизме, совсем недавно предложенного Пэтом Бьюкененом.

Главным аргументом в пользу протекционизма является защита рабочих мест внутри страны. Как американские производители, платящие своим работникам 10 долларов в час, могут конкурировать с мексиканскими производителями, которые платят 1 доллар в час или меньше? Конечно, нет. Поэтому американские рабочие места будут потеряны, если не ввести импортные тарифы, чтобы оградить американские зарплаты от конкуренции со стороны мексиканцев. Свободная торговля возможна только между странами, которые имеют равные ставки заработной платы и, следовательно, конкурируют «на равных условиях». До тех пор, пока это не так — как в случае с США и Мексикой — условия игры должны быть выровнены с помощью тарифов и пошлин. Что касается последствий внутри страны, вызванных политикой защиты рабочих мест, то Бьюкенен и другие протекционисты утверждают, что она приведет к внутренней мощи и процветанию. В доказательство своих слов они приводят примеры страны, проводившие политику свободной торговли и потерявшие свое некогда выдающееся международное эконо-

мическое положение, как, например, Англия 19-го века, а также протекционистские страны, которые приобрели это превосходство в 19 веке, такие как Америка.

Это или любое другое якобы эмпирическое доказательство протекционистского тезиса немедленно должно быть отвергнуто как содержащее ошибку *post hoc, ergo propter hoc* (риторическая ошибка, утверждающая, что два действия, которые произошли последовательно — связаны между собой). Подобный вывод, основанный на исторических данных, не убедительнее того, если бы из наблюдения, что богатые люди потребляют больше, чем бедные, мы бы сделали вывод, что именно потребление делает человека богатым.

Обычно, протекционисты, такие как Бьюкенен, не понимают, что на самом деле необходимо для защиты их же тезиса. Любой довод в пользу международного протекционизма является одновременно доводом в пользу межрегионального и местного протекционизма. Точно так же, как существуют различия в уровне заработных плат между США и Мексикой или, например, Гаити и Китаем, такие различия также существуют между Нью-Йорком и Алабамой или между Манхэттеном, Бронксом и Гарлемом. Таким образом, если мы принимаем тот факт, что международный протекционизм может сделать всю нацию экономически процветающей и сильной, то межрегиональный и местный протекционизм также должен сделать регионы и населенные пункты более процветающими и сильными. На самом деле, можно пойти еще дальше. Если бы протекционистский аргумент был верен, то он был бы применим для обвинения любой торговли в целом; из чего можно заключить, что каждый человек будет наиболее экономически процветающим и сильным, если он никогда не будет торговать с кем-либо и останется в самодостаточной изоляции. Несомненно, в этом случае никто никогда не потеряет работу, а безработица из-за «недобросовестной» конкуренции будет сведена к нулю. Если анализировать основные выводы из протекционистского аргумента, можно запросто обнаружить его полную абсурдность, поскольку такое «общество полной занятости» не было бы процветающим и сильным; оно состояло бы из людей, которые, несмотря на работу от рассвета до заката, были бы обречены на нищету или даже смерть от голода.

Международный протекционизм, который хоть и явно ме-

нее разрушителен, чем местный или межрегиональный протекционизм, приведет к точно таким же последствиям и станет надежным рецептом для дальнейшего экономического упадка Америки. Конечно, при таком раскладе некоторые американские рабочие места и отрасли промышленности будут сохранены, но за такое спасение придется заплатить соответствующую цену. Уровень жизни и реальные доходы американцев, потребляющих иностранную продукцию, будут принудительно снижены. Издержки всех американских производителей, которые используют продукцию защищаемой отрасли в качестве своих средств производства, возрастут, и они станут менее конкурентоспособными на международном рынке.

Более того, что могли бы сделать иностранцы с деньгами, которые они заработали на импорте в США? Они могли бы либо покупать товары, произведенные в США, либо оставлять эти деньги здесь и инвестировать их. И если бы их импорт в США был прекращен или сокращен, они бы покупали меньше американских товаров или меньше инвестировали. Таким образом, в результате сохранения нескольких неэффективных рабочих мест гораздо большее число эффективных рабочих мест будет уничтожено или вовсе не будет создано.

Поэтому абсурдно утверждать, что Англия потеряла свое прежнее экономическое превосходство из-за политики свободной торговли. Она потеряла свои позиции вопреки свободной торговле, а также из-за социалистической политики, которая стала проводиться позже. Точно так же бессмысленно утверждать, что рост экономического превосходства США в 19 веке был обусловлен их протекционистской политикой. США достигли таких успехов, *невзирая* на протекционизм, и *благодаря* своей превосходной внутренней политике невмешательства — принципу *laissez-faire*. В действительности нынешний экономический спад Америки, который Бьюкенен хочет обратить вспять, является результатом не ее политики свободной торговли, а того обстоятельства, что Америка в течение 20-го века постепенно принимала ту же социалистическую политику, которая ранее погубила Англию.

Торговля и иммиграция

Теперь, учитывая доводы в пользу свободной торговли, мы рассмотрим аргументы в пользу иммиграционных ограничений в сочетании со свободной торговлей. Точнее, мы последовательно усилим аргументацию в пользу иммиграционных ограничений: от первоначально слабого утверждения о том, что свободная торговля и иммиграционные ограничения могут быть объединены и не исключают друг друга, до сильного и убедительного утверждения о том, что принцип, лежащий в основе свободной торговли, на самом деле требует подобного рода ограничений.

С самого начала следует подчеркнуть, что даже самая ограниченная иммиграционная политика или самая исключительная форма сегрегации не имеет ничего общего с отказом от свободной торговли и принятием протекционизма. Из того, что человек не хочет общаться или жить по соседству с мексиканцами, гаитянами, китайцами, корейцами, немцами, католиками, мусульманами, индуистами и т. д., не следует того, что он не хочет торговать с ними на расстоянии. Более того, даже если реальный доход человека возрастает в результате иммиграции, из этого не следует, что иммиграция должна считаться «хорошей» или «успешной», поскольку материальное богатство — это не единственное, что имеет значение. Скорее, само по себе «благополучие» и «богатство» *субъективно*; кто-то может предпочесть более низкий материальный уровень жизни при большем расстоянии от некоторых других людей, чем более высокий материальный уровень жизни и меньшее расстояние от них. Именно абсолютная добровольность объединения и разделения людей — отсутствие любой формы принудительной интеграции — делает возможными мирные отношения, в том числе свободную торговлю, между расово, этнически, лингвистически, религиозно или культурно различными людьми.

Взаимосвязь между торговлей и миграцией представляет собой эластичную заменяемость, а не жесткую исключительность: чем больше (или меньше) у вас одного, тем меньше (или больше) вам нужно другого. При прочих равных условиях бизнес перемещается в районы с низкой заработной платой, а рабочая сила — в районы с высокой заработной платой, что приводит к тенденции выравнивания ставок заработной платы (для одного и

того же вида труда), а также к оптимальной локализации капитала. При наличии политических границ, разделяющих районы с высокой и низкой заработной платой, а также при наличии национальной (в масштабах страны) торговой и иммиграционной политики, эти естественные тенденции — иммиграция и экспорт капитала — ослабляются свободной торговлей и усиливаются протекционизмом. До тех пор, пока мексиканская продукция, произведенная в низкооплачиваемом регионе, может свободно поступать в высокооплачиваемый регион, такой как США, стимулы для мексиканцев переезжать в США снижаются. Напротив, если мексиканской продукции не позволяют попасть на американский рынок, привлекательность переезда для мексиканских работников в США возрастает. Аналогичным образом, когда американские производители могут свободно покупать у мексиканских производителей и продавать мексиканским потребителям, экспорт капитала из США в Мексику сокращается; однако, если этого не происходит, привлекательность перемещения производства из США в Мексику возрастает.

Аналогично тому, как *внешняя* торговая политика США влияет на иммиграцию, на нее точно так же влияет и ее *внутренняя* торговая политика. Внутренняя свободная торговля — это то, что обычно называют *laissez-faire* капитализм. Другими словами, правительство страны придерживается политики невмешательства в добровольные сделки между внутренними сторонами (гражданами) относительно их частной собственности. Задача правительства заключается в том, чтобы помочь своим гражданам защитить себя и их частную собственность от внутренней агрессии, ущерба или мошенничества (точно так же, как в случае внешней торговли и иностранной агрессии). Если бы США придерживались строгой политики свободной торговли внутри страны, иммиграция из низкооплачиваемых регионов, таких как Мексика, сократилась бы, в то время как при проведении политики «всеобщего благосостояния» иммиграция из низкооплачиваемых регионов становится более привлекательной.

«Открытые границы», вторжение и принудительная интеграция

Если такая высокооплачиваемая страна, как США, ведет

политику неограниченной свободной торговли как на международном, так и на внутреннем рынке, то иммиграционное давление из низкооплачиваемых стран будет оставаться низким или снижаться, и, следовательно, вопрос о том, что делать с иммиграцией, будет менее острым. Если же США будут проводить протекционистскую политику против продуктов, произведенных в малообеспеченных странах, и политику всеобщего благосостояния внутри страны, иммиграционное давление будет сохраняться на высоком уровне или даже усилится, и вопрос об иммиграции приобретет большое значение в общественной дискуссии.

Очевидно, что основные регионы мира с высокой зарплатой — Северная Америка и Западная Европа — в настоящее время пребывают в последней ситуации, когда иммиграция становится все более насущной общественной проблемой. В свете неуклонно растущего иммиграционного давления со стороны низкооплачиваемых регионов были предложены три основные стратегии борьбы с иммиграцией: *полностью* свободная иммиграция, *условно* свободная иммиграция и *ограниченная* иммиграция. Несмотря на то, что мы в основном будем рассматривать две последние альтернативы, несколько замечаний относительно позиции полностью свободной иммиграции вполне уместны, хотя бы потому, что есть возможность проиллюстрировать степень ее интеллектуальной несостоятельности.

По мнению сторонников полностью свободной иммиграции, США как высокооплачиваемый регион непременно выиграет от свободной иммиграции; то есть, он должен проводить политику открытых границ, независимо от каких-либо имеющихся обстоятельств, даже если США погрязнут в протекционизме и внутреннем социальном благосостоянии. Естественно, здравому человеку такое предложение покажется совершенно фантастическим. И все же предположим, что США или, еще лучше, Швейцария объявили о полной отмене пограничного контроля, что любой, кто может оплатить проезд, может въехать в страну и, как ее резидент, иметь право на «нормальный» уровень социального обеспечения. Могут ли быть сомнения в том, насколько катастрофическим окажется такой эксперимент в современном мире? США и Швейцария еще быстрее будут наводнены миллионами иммигрантов из стран третьего мира, потому что даже жизнь на американских и швейцарских улицах намного более комфортна, чем жизнь во многих регионах третьего мира. Расхо-

ды на социальное обеспечение взлетят до небес, а задыхающаяся экономика дезинтегрируется и потерпит крах, поскольку фонд существования — запас капитала, накопленного и унаследованного от прошлого, — будет разграблен. Цивилизация в США и Швейцарии исчезнет, как когда-то исчезла в Риме и Греции.

Поскольку полностью свободная иммиграция может рассматриваться только как путь к национальному самоубийству, типичной позицией среди сторонников свободной торговли является альтернатива в виде условно свободной иммиграции. Согласно этой точке зрения, США и Швейцария должны были бы сначала вернуться к беспошлинной свободной торговле и отменить все финансируемые налогами программы социального обеспечения, и только после этого открыть свои границы для всех, кто хотел бы приехать. В то же время, пока государство всеобщего благосостояния продолжает существовать, иммиграция должна осуществляться при условии, что иммигранты не получат права на социальное обеспечение.

Хотя заблуждение, лежащее в основе этого представления, не столь очевидно, а последствия менее драматичны, чем те, которые несет за собой полностью свободная иммиграция, это представление, тем не менее, ошибочно и вредно. Конечно, иммиграционное давление на Швейцарию и США снизится, если следовать этому предложению, но оно не исчезнет. На самом деле, в условиях политики свободной торговли, как внешней, так и внутренней, уровень заработной платы в Швейцарии и США может еще сильнее возрасти по сравнению с уровнем заработной платы в других странах (с менее благоразумной экономической политикой). Следовательно, привлекательность обеих стран может возрасти. Некоторое иммиграционное давление сохранится в любом случае, а значит, иммиграционная политика в той или иной форме должна существовать. Подразумевают ли принципы, лежащие в основе свободной торговли, то, что эта политика должна быть в связке с условно «свободной иммиграцией»? Это не так. Не существует никаких параллелей между свободной торговлей и свободной иммиграцией, а также между ограниченной торговлей и ограниченной иммиграцией. Феномены торговли и иммиграции различны в фундаментальном отношении, и значение слов «свободный» и «ограниченный» в сочетании с обоими терминами категорически отличается. Люди могут передвигаться и мигрировать; в то время как товары и услуги сами по себе не

могут.

Иными словами, человек может мигрировать из одного места в другое без чьего-либо согласия, тогда как товары и услуги не могут быть отправлены из одного места в другое без согласия отправителя и получателя. Каким бы тривиальным ни казалось это различие, оно имеет серьезную значимость. Ведь *свобода* в сочетании с торговлей означает торговлю только по взаимному желанию частных домохозяйств и фирм; когда *ограниченная* торговля означает не защиту домохозяйств и фирм от непрошенных товаров и услуг, а вмешательство и отмену права частных лиц допускать или не допускать их к своей частной собственности. В отличие от этого, *свобода* в сочетании с иммиграцией означает не иммиграцию по приглашению и желанию отдельных домохозяйств и фирм, а нежелательное вторжение или же принудительную интеграцию; в то время как *ограниченная* иммиграция фактически означает или, по крайней мере, может означать защиту частных домохозяйств и фирм от нежелательного вторжения третьих лиц и принудительной интеграции. Отсюда следует, что, выступая за свободную торговлю и ограниченную иммиграцию, нужно следовать одному и тому же принципу: требовать приглашения для людей точно так же, как для товаров и услуг.

Сторонник свободной торговли и свободного рынка, занимающий позицию условно свободной иммиграции, оказывается интеллектуально непоследовательным. Свободная торговля и рынок означают, что владельцы частной собственности могут получать или отправлять товары от других владельцев и к ним без вмешательства государства. Правительство не вмешивается в процесс внешней и внутренней торговли, поскольку для каждого отправляемого товара или услуги существует выразивший желание (то есть, заплативший деньги) получатель. Следовательно, все перемещения товара или услуги, являющиеся результатом добровольного соглашения между отправителем и получателем, должны рассматриваться как взаимовыгодные. Единственной функцией правительства является поддержание торгового процесса (путем защиты граждан и частной собственности).

Однако в отношении перемещения людей то же самое правительство вынуждено будет сделать больше для выполнения своей защитной функции, чем просто позволить событиям идти своим чередом, потому что люди, в отличие от продуктов, обладают волей и могут мигрировать. Миграция населения, в отли-

чие от поставок продукции, *сама по себе* не является взаимовыгодным событием, поскольку она далеко не всегда представляет собой результат соглашения между конкретными получателем и отправителем. Могут быть поставки (иммигранты) без желающих принять их на территории своей страны. В этом случае иммигранты являются иностранными захватчиками, а иммиграция представляет собой акт вторжения. Несомненно, основная защитная функция правительства заключается в предотвращении иностранных вторжений и изгнании иностранных вторженцев. Столь же очевидно, что для того, чтобы задействовать эту защитную функцию и обязать иммигрантов соблюдать те же требования, что и для импорта их товаров (иметь приглашение от местных граждан), правительство не вправе разрешить свободную иммиграцию, за которую выступает большинство сторонников свободной торговли.

Просто представьте себе еще раз, что США и Швейцария открыли свои границы для всех желающих — при условии, что иммигранты будут исключены из всех социальных льгот, которые предназначены для граждан США и Швейцарии. Помимо социальных проблем, связанных с созданием двух различных классов жителей страны и, как следствие, возникновением серьезной социальной напряженности, также несложно предсказать исход этого эксперимента в современном мире. Результат будет не столь разрушительным и менее незамедлительным, чем при сценарии с полностью свободной иммиграцией, но это также будет равносильно массовому иностранному вторжению и в конечном итоге приведет к разрушению американской и швейцарской цивилизации. Таким образом, для выполнения своей основной функции защиты граждан и их частной собственности, правительство региона с высокой заработной платой не может следовать иммиграционной политике *laissez-passer*, а будет вынуждено принимать ограничительные меры.

Анархо-капиталистическая модель

Осознание того, что сторонники свободной торговли и свободного рынка не могут выступать за свободную иммиграцию, не впадая при этом в непоследовательность и противоречия, и собственно того, что иммиграция должна быть ограничена, является

ся лишь небольшим шагом для дальнейшего понимания, *каким именно образом* она должна быть ограничена. На самом деле, все правительства стран с высокой зарплатой в настоящее время так или иначе ограничивают иммиграцию. Нигде иммиграция не является «свободной», полностью или условно. Однако ограничения, налагаемые на иммиграцию, например, США и Швейцарией, совершенно разные. Какие ограничения тогда *должны* существовать? Или, точнее, какие иммиграционные ограничения сторонники свободной торговли и рыночники логически вынуждены поддерживать и продвигать? Главный принцип иммиграционной политики страны с высокой заработной платой основан на понимании того, что иммиграция, чтобы быть свободной в том же смысле, что и торговля, должна быть *пригласительной*. Подробности следуют из дальнейшего разъяснения и иллюстрации пригласительной концепции против концепции вторжения и принудительной интеграции.

Для этой цели необходимо сначала взять за концептуальный ориентир существование явления, которое политические философы описали как анархию частной собственности, анархо-капитализм или упорядоченную анархию: вся земля находится в частной собственности, включая все улицы, реки, аэропорты, гавани и т.д. В отношении некоторых участков земли право собственности может быть неограниченным, то есть владельцу разрешается делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится, при условии, что он не наносит физического ущерба собственности других людей. В отношении других территорий право собственности может быть более или менее ограничено. Как это, например, происходит сейчас в некоторых жилых районах, где владелец может быть связан договорными ограничениями на то, что он может делать со своей собственностью (ограничительные договоры, добровольное зонирование), которые могут включать жилое, а не коммерческое использование, отсутствие зданий высотой более четырех этажей, запрет на продажу или аренду неженатым парам, курильщикам или немцам, например.

Совершенно очевидно, что в таком обществе нет такого понятия, как свобода иммиграции или право иммигранта на проезд. Что действительно существует, так это свобода независимых владельцев частной собственности допускать или не допускать других на свою территорию в соответствии с их ограниченными

ми или неограниченными правами собственности. Допуск на одни территории может быть легким, а на другие — практически невозможным. Более того, допуск на территорию одного из собственников отнюдь не означает полную «свободу передвижения», если только другие владельцы данной собственности не дали согласия на это. Будет столько иммиграции или не-иммиграции, инклюзивности или эксклюзивности, десегрегации или сегрегации, недискриминации или дискриминации, сколько пожелают отдельные собственники или ассоциации владельцев.

Причина приведения модели анархо-капиталистического общества заключается в том, что в его рамках такая вещь, как принудительная интеграция (недобровольная миграция) по определению невозможна. При таком сценарии не существует никакой разницы между физическим перемещением товаров и миграцией людей. Как любое движение продукта отражает согласие между отправителем и получателем, так и все перемещения иммигрантов в анархо-капиталистическое общество и внутри него являются результатом соглашения между иммигрантом и одним или несколькими владельцами частной собственности, которые выступают как принимающая сторона. В конечном счете, даже если анархо-капиталистическая модель отвергается — и если ради реалистического подхода допустить существование государства и «общественных» (в дополнение к частным) товаров и собственности — становится ясно, какой должна быть иммиграционная политика правительства этого государства, если это правительство основывает свою легитимность на суверенитете «народа» и рассматривается как результат соглашения или «общественного договора» (как это, безусловно, происходит со всеми современными постмонархическими правительствами). «Народное» правительство, считающее своей главной задачей защиту своих граждан и их собственности (обеспечение внутренней безопасности), несомненно, захочет сохранить, а не упразднить это свойство анархо-капитализма — отсутствие принудительной интеграции!

Для того чтобы понять, что это значит, необходимо описать, как анархо-капиталистическое общество изменяется в результате появления правительства и как это влияет на проблему иммиграции. Поскольку в анархо-капиталистическом обществе нет правительства, нет четкого различия между местными жителями (гражданами страны) и иностранцами. Это различие

появляется только с созданием государства. Территория, на которую распространяется власть государства, становится закрытой, и каждый, кто проживает за пределами этой территории, становится иностранцем. Вместо границ частной собственности (и прав собственности) появляются государственные границы (и паспорта), и иммиграция приобретает новое значение. Иммиграция превращается в иммиграцию иностранцев через государственные границы, а решение о допуске того или иного лица уже не принадлежит исключительно владельцам частной собственности или ассоциации таких владельцев, а принадлежит правительству, как органу, обеспечивающему внутреннюю безопасность. Теперь, если правительство не пускает человека, приглашенного каким-то местным жителем, который хочет пустить этого человека на свою собственность, то в результате получается *принудительное выселение*; и если правительство пропускает человека, в то время как нет ни одного местного жителя, желающего пустить этого человека на свою собственность, результатом будет *принудительная интеграция*.

Помимо этого, рука об руку с институтом государства идет институт государственной собственности и товаров, то есть собственности и товаров, находящихся в коллективном владении всех жителей страны и контролируемых и управляемых государством. Чем больше или меньше объем общественно-государственной собственности, тем сильнее или слабее будет потенциальная проблема принудительной интеграции. Рассмотрим, например, социалистическое общество, такое как бывший Советский Союз или Восточная Германия. Все факторы производства, включая все земли и природные ресурсы, находятся в государственной собственности. Соответственно, если правительство допускает незваного иммигранта, оно потенциально допускает его к любому месту в стране; поскольку без частной собственности внутри страны не существует никаких ограничений на миграцию, кроме тех, которые установлены правительством. Таким образом, при социализме принудительная интеграция может быть распространена повсюду и, соответственно, чрезвычайно усилена. (Фактически, в Советском Союзе и Восточной Германии правительство могло поселить незнакомца в чужой частный дом или квартиру. Эта мера — и, как следствие, мощная принудительная интеграция — была оправдана тем «фактом», что все частные дома находились на государственной земле).

Социалистические страны, конечно, не будут регионами с высокой заработной платой или, по крайней мере, не будут оставаться таковыми долгое время. Их проблема не в иммиграции, а в эмиграции. Советский Союз и Восточная Германия запретили эмиграцию и убивали людей за попытку покинуть страну. Однако проблема расширения и усиления принудительной интеграции сохраняется и вне социализма. Конечно, в несоциалистических странах, таких как США, Швейцария и Федеративная Республика Германия, которые являются излюбленными местами для иммиграции, иммигрант, получивший разрешение правительства, не мог бы перемещаться где и как угодно. Свобода передвижения иммигранта была бы сильно ограничена масштабами частной собственности, в особенности частной собственности на землю. Тем не менее, двигаясь по дорогам общего пользования или с помощью общественного транспорта, находясь на общественной земле, в общественных парках и зданиях, иммигрант потенциально может перейти дорогу каждому местному жителю, даже въехать в ближайший район любого человека и практически поселиться прямо у его порога. Чем меньше общественной собственности, тем менее острой будет эта проблема. И пока существует *хоть какая-то* государственная собственность, от этой проблемы невозможно полностью избавиться.

Исправление и предотвращение

Народное правительство, которое хочет защитить своих граждан и их частную собственность от принудительной интеграции и иностранных вторженцев, имеет для этого два метода — исправительный и превентивный. Исправительный метод направлен на смягчение последствий принудительной интеграции после того, как она уже имела место (и иностранные вторженцы уже на месте). Как указывалось ранее, для достижения этой цели правительство должно максимально сократить количество государственной собственности. Более того, каким бы ни было соотношение частной и государственной собственности, правительство должно поддерживать, а не криминализовать право любого владельца частной собственности допускать и не допускать других к себе. Если практически вся собственность

находится в частном владении, и правительство помогает в обеспечении соблюдения прав частной собственности, то никем не приглашенные иммигранты, даже если им удастся въехать в страну, вряд ли смогут продвинуться дальше.

Чем лучше выполняется эта исправляющая мера (чем выше процент частной собственности), тем меньше будет необходимости в защитных мерах, таких как охрана границ. Например, стоимость защиты от иностранных агрессоров вдоль американо-мексиканской границы сравнительно высока, поскольку на протяжении долгого времени на американской стороне нет частной собственности. Тем не менее даже если стоимость охраны границ может быть снижена путем приватизации, ее все равно не удастся свести к нулю до тех пор, пока существует значительная разница в доходах и заработной плате между этими территориями. Поэтому, для выполнения своей основной защитной функции правительство региона с высокой заработной платой также должно принимать превентивные меры. Во всех въездных портах и на всей границе государство, как доверенное лицо своих граждан, должно проверять каждого прибывшего на наличие въездного билета — действительного приглашения от владельца собственности внутри страны. И каждый, у кого нет такого билета, должен быть депортирован за свой счет.

Юридически действительное приглашение — это договор между принимающей стороной, то есть одним или несколькими жителями страны, которые имеют во владении жилую или коммерческую собственность, и прибывающим лицом, то есть приглашенным. *Допуская* эмигранта по договору, принимающая сторона вправе распоряжаться только своей частной собственностью. Отсюда следует, что прием негативно влечет за собой — подобно сценарию условно свободной иммиграции — лишение иммигранта всех видов социального обеспечения, финансируемых государством. Позитивно это означает, что принимающая сторона берет на себя юридическую ответственность за действия своего гостя в течение всего срока его пребывания в стране. Приглашающий также несет полную материальную ответственность за любые преступления, совершенные приглашенным против лица или собственности третьих лиц (аналогично тому, как родители несут ответственность за преступления своих детей, пока они остаются членами родительского дома). Это обязательство, на практике означающее, что принимающая сторона должна

будет за свой счет застраховать ответственность всех своих гостей, прекращается, как только приглашенный покинет страну или как только другой владелец частной собственности возьмет на себя ответственность за соответствующее лицо (допустив его на свою собственность).

Приглашение может быть частным (личным) или коммерческим, ограниченным или неограниченным по времени, касающимся только жилья (размещения, проживания) или жилья и работы (но при этом не может быть юридически действительного контракта, предусматривающего только работу без жилья). Однако, как и любые договорные отношения, каждое приглашение может быть отозвано или аннулировано приглашающим лицом; и после того, как приглашение истекает или аннулируется, приглашенный — будь то турист, приезжий бизнесмен или постоянно проживающий иностранец — должен будет покинуть страну (если только другой гражданин не заключит с ним новый пригласительный договор).

Приглашенный, который всегда подвергается потенциальному риску немедленной депортации, может лишиться своего правового статуса нерезидента или иностранца-резидента только путем приобретения гражданства. В соответствии с целью сделать всю иммиграцию пригласительно-договорной (как это происходит с торговлей), основным требованием для получения гражданства является приобретение имущественных прав на собственность в стране, а точнее, имущественных прав на недвижимость и жилую площадь.

С другой стороны, совершенно несовместимо с идеей пригласительной иммиграции предоставлять гражданство по территориальному принципу, как это происходит в США, где ребенок, родившийся у нерезидента или иностранца-резидента на территории страны, автоматически получает гражданство. Хотя по сути такой ребенок должен получать гражданство своих родителей, как это признает большинство других стран с высоким уровнем заработной платы. Для правительства принимающей страны предоставление гражданства этому ребенку означает невыполнение своей основной защитной функции и фактически равносильно акту агрессии, совершаемому правительством против своих собственных граждан.

Получение гражданства скорее означает приобретение права на постоянное проживание в стране. Причем постоянное,

не ограниченное никакими сроками и условиями, приглашение может быть получено только путем покупки жилой недвижимости у гражданина-резидента. Лишь путем продажи недвижимости иностранцу, гражданин тем самым дает согласие на его постоянное пребывание в стране (и только если иммигрант приобрел недвижимость и жилье в принимающей стране, он будет постоянно заинтересован в благополучии и процветании своей новой страны). Кроме того, найти гражданина, готового продать жилую недвижимость и самому быть способным заплатить за нее, хоть это и является основным требованием для приобретения гражданства, также может оказаться недостаточным. В случае, если на данную частную собственность распространяются ограничительные обязательства, препятствия, которые должен будет преодолеть ее покупатель и будущий гражданин, могут оказаться значительно более серьезными. Например, в Швейцарии для получения гражданства может потребоваться, чтобы продажа жилой недвижимости иностранцам была одобрена большинством или даже всеми непосредственно затронутыми местными собственниками.

Заключение

Если судить по иммиграционной политике, необходимой для защиты граждан от иностранного вторжения и принудительной интеграции, а также для того, чтобы сделать все международные миграционные потоки пригласительно-договорными, то швейцарское правительство справляется с этой задачей значительно лучше, чем Соединенные Штаты. В Швейцарию труднее въехать и оставаться там продолжительное время в качестве неприглашенного гостя. В частности, иностранцу гораздо труднее получить гражданство, а правовое различие между постоянно проживающими гражданами и постоянно проживающими иностранцами сохраняется более четко. Несмотря на эти различия, правительства что Швейцарии, что США проводят иммиграционную политику, которую нельзя не охарактеризовать как слишком снисходительную.

Более того, чрезмерная вседозволенность в их иммиграционной политике и, как следствие, подверженность швейцарского

и американского населения принудительной интеграции со стороны иностранцев усугубляется еще и тем, что объем государственной собственности в обеих странах (как и в других странах с высоким уровнем зарплат) весьма велик; что финансируемые за счет налогов социальные пособия высоки и продолжают увеличиваться, в то время как иностранцы не исключены из права на них; и что проведение политики свободной торговли, вопреки официальным заявлениям, крайне от идеала. Поэтому народные протесты против проводимой иммиграционной политики в Швейцарии, США и большинстве других высокооплачиваемых стран становятся все громче.

Цель данного эссе состоит не только в том, чтобы обосновать необходимость приватизации государственной собственности, максимально свободного рынка и свободной международной торговли, но и, прежде всего, в принятии ограниченной иммиграционной политики. Демонстрируя, что свободная торговля несовместима с, будь то полностью или условно, свободной иммиграцией, и что свободная торговля требует, чтобы миграция была ограничена приглашением и договором, мы надеемся внести свой вклад в формирование будущей более разумной политики.